

«...Не бойся?»

Цзян Суйчжоу впервые в жизни слышал от кого-то подобные слова.

Он не понимал, откуда у Хо Уцзю такая уверенность. Будь тот хоть самым богом войны, способным сокрушать небожителей и демонов, сейчас он был лишь глиняным идолом: стоило любому невеже посильнее толкнуть его, и он рассыпался бы в прах.

И всё же, слетая с его губ, эти слова звучали до странного убедительно. На мгновение Цзян Суйчжоу показалось, будто этот человек и впрямь намерен надежно укрыть его за своей спиной.

Принц на время лишился дара речи, не в силах прийти в себя.

Хо Уцзю почувствовал, как сопротивление в руках Цзян Суйчжоу ослабло. Подняв взгляд, он увидел, что лицо принца осталось холодным, но в глазах появилось отсутствующее выражение.

Генерал невольно вздохнул про себя. Этот человек, очевидно, был совершенно безобиден, но зачем-то упорно пытался нацепить на себя шкуру волка.

Хо Уцзю разжал пальцы на его запястье и попутно забрал из его рук нефритовую чашу. Почувствовав пустоту в ладонях, Цзян Суйчжоу наконец очнулся. Он увидел, что Хо Уцзю, сидя в кресле, отобрал его лекарство и теперь, держа чашу одной рукой, спокойно и холодно взирал на него снизу вверх.

— Возвращайся в постель, — услышал он голос Хо Уцзю.

Тон оставался резким и сухим, словно генерал отдавал приказ рядовому солдату в своем полку. Только сейчас Цзян Суйчжоу заметил, что на нем лишь тонкая ночная рубаша, а лодыжки и вовсе обнажены. Ранняя весна не была суровой, но для его изможденного недугом тела она была невыносима. Всего за пару минут он продрог до костей.

Цзян Суйчжоу пришлось смиренно вернуться на кровать. Хо Уцзю, вращая колесо одной рукой, подъехал к ложу и поставил чашу на прикроватный столик. Поставил, но не уехал. Когда Цзян Суйчжоу взглянул на него, он встретил спокойный взор генерала. Тот не произносил ни слова, но всем своим видом давал понять: он не сдвинется с места, пока лекарство не будет выпито.

Цзян Суйчжоу втайне стиснул зубы. «В конце концов, кто здесь принц — ты или я?!» Как-никак, Хо Уцзю здесь в роли наложницы, а ведет себя так дерзко — чистой воды попрание субординации.

Продолжая мысленно ворчать, он плотно сжал губы, взял чашу и одним махом осушил её. ...Горько до смерти.

Болезнь Цзян Суйчжоу и впрямь вскоре отступила. После того случая он многое переосмыслил. Раз уж Хо Уцзю узнал о намерениях императора и сам заявил, что не боится, то как бы ни безумствовал государь — к самому Цзян Суйчжоу это больше не имело отношения. Ведь на самом деле он опасался лишь одного: что Хо Уцзю в будущем предъявит ему счет. Судя по всему, теперь он мог спать спокойно.

Однако они по-прежнему делили одну комнату, и порой, поднимая глаза, он неизменно видел

генерала. В эти дни, когда их взгляды случайно пересекались, Цзян Суйчжоу невольно задавался вопросом: что же выкинет император в день торжества?

Собственный день рождения для государя — великий праздник, так что вряд ли на пиру прольется кровь или Хо Уцзю нанесут телесные увечья. Император был глупцом, и если уж он решил вызвать кого-то пред свои очи, то, скорее всего, ограничит месть словесными оскорблениями, которые не ранят тело.

Но Цзян Суйчжоу не забывал о Пан Шао, что всегда находился подле трона. Этот человек был хитер, расчетлив и полон ядовитых замыслов. Не нужно было быть провидцем, чтобы понять: он обязательно подкинёт императору какую-нибудь подлую идею.

Разумеется, все эти козни будут направлены против Хо Уцзю. Раз уж Цзян Суйчжоу решил остаться в стороне, ему не стоило бы бояться. Но на сердце всё равно было беспокойно. И чем ближе становился день банкета, тем сильнее нарастала тревога.

Цзян Суйчжоу не нашел иного оправдания своим чувствам, кроме того, что они с Хо Уцзю теперь — кузнечики, связанные одной веревкой: слава одного — общая радость, позор другого — общая беда. Разве могла быть иная причина?

Три дня пролетели незаметно. К тому времени, как простуда Цзян Суйчжоу окончательно прошла, наступил канун праздника императора.

За день до торжества к Цзян Суйчжоу вновь явился лекарь, подсланный Пан Шао.

В этот раз принц не лежал в постели. Он встретил гостя в главном зале, уже полностью одетый и укутанный в широкую черную накидку, с книгой в руках. Лекарь подошел, проверил пульс и, отступив на два шага, пал на колени.

Цзян Суйчжоу убрал руку, взял со стола чашку чая и одарил его холодным, мимолетным взглядом.

— Поздравляю, Ваше Высочество, вы совершенно поправились, — заговорил лекарь, склонив голову до самой земли. — Вернувшись во дворец, я доложу Его Величеству, что вы сможете почтить своим присутствием завтрашний пир и никаких задержек не будет...

Брови Цзян Суйчжоу дрогнули. В следующее мгновение раздался звонкий металлический лязг — чайная пиала вдребезги разлетелась прямо перед лицом лекаря.

Слуги в страхе втянули головы в плечи. Хо Уцзю, сидевший у окна, тоже поднял глаза на Цзян Суйчжоу. Тот небрежно откинулся на спинку широкого кресла, положив локоть на подлокотник. Полы его тяжелой накидки живописно разошлись, придавая фигуре вид праздный и ленивый. Природа наградила его чертами тонкими и изящными, а вечный холод в облике лишь добавлял ему высокомерного величия. В такие моменты он походил на прекрасный, но ядовитый цветок мака: внушал трепет, но заставлял смотреть на себя, не отрываясь.

Горячий чай расплескался по одеждам лекаря. Тот вздрогнул, и заготовленные слова застряли у него в горле.

— День рождения императора... — медленно произнес Цзян Суйчжоу. — Праздник «Тысячи осеней». Скажи мне, к чему эти бесконечные напоминания? Неужели ты думаешь, что я не горю желанием там быть?

Он прекрасно знал: этот лекарь — верный пес Пан Шао. Под предлогом осмотра он шпионил за здоровьем принца и по указке хозяина искал любой повод, чтобы отравить ему жизнь. Первому Цзян Суйчжоу не мог противостоять, но второе... Пан Шао явно считал его бесхребетной жертвой, раз позволял своим слугам так нагло попираť достоинство принца. И этого Цзян Суйчжоу спускать не собирался.

— Вовсе нет! — в панике забормотал лекарь. — Это приказ Его Величества, он велел мне...

— Неужели император сказал тебе, что мы с ним, родные братья, пребываем в такой вражде, что я готов проигнорировать его праздник?

Это была чистая правда. Но о таких истинах принято молчать. Тот, кто произносит их вслух, обвиняется в неуважении к старшим. А если это говорит слуга — он виновен в подстрекательстве к раздору между господами.

— Помилуйте, Ваше Высочество! Государь ничего такого не говорил! Я лишь...

Цзян Суйчжоу холодно усмехнулся.

— Разумеется, брат бы так не сказал. Это ты, раб, возомнил о себе невесть что. Раз государь послал тебя лечить, так и лечи. А за длинный язык, порочащий имя императора, я вынужден наказать тебя вместо него.

Лекарь в ужасе забился в попытках оправдаться. Этот «опальный» принц Цзин — кто в столице или во дворце его уважал? Сам господин Пан, посылая его сюда, велел «проучить» принца. Видя в прошлые разы покорность и молчание Цзян Суйчжоу, лекарь решил, что перед ним мягкий плод, который можно безнаказанно давить. Он не ожидал, что «плод» окажется кремнем.

— Мэн Цяньшань, — позвал принц.

— Слушаю, господин! — евнух, уже давно мечтавший проучить наглеца, подскочил на месте.

— Всыпать палок. Затем лично доставишь его во дворец и передашь: этот человек намеренно сеял раздор между мной и моим царственным братом. Я свое наказание вынес, а с остальным пусть разбирается император.

— Уволоките его подальше, — добавил Цзян Суйчжоу ровным тоном. — Не хочу, чтобы крики пачкали мой слух.

Когда в комнате стало тихо, служанки быстро прибрали осколки и поднесли принцу свежий чай. Цзян Суйчжоу взял чашу. Он понимал: Пан Шао не даст лекарю погибнуть, но, чтобы сохранить лицо перед императором, он будет вынужден лишить его чина и выгнать из дворца.

Как профессор университета, Цзян Суйчжоу никогда не практиковал телесных наказаний и не любил ломать людям жизни. Но здесь у него не было выбора. Если не отвечать на удары, враги станут действовать еще наглее. Он оказался внутри партии, где пощада врагу означала неизбежную смерть для него самого.

Принц посмотрел в окно. Под серым свинцовым небом расстилались причудливые изгибы крыш поместья, напоминавшие ловушки на шахматной доске. Он незаметно выдохнул и снова открыл книгу.

Он уже привык к тому, что Хо Уцзю живет в его комнате подобно безмолвной тени, и не заметил, что генерал не спускал с него глаз.

«Задохлик, — подумал Хо Уцзю. — Всего-то наказал мелкую сошку, которую давно пора было прижать, а сам уже мучается угрызениями совести».

Хо Уцзю отвел взгляд. Ему даже стало немного жаль этого человека. Хорошо, что принц вырос в роскоши и покое, не видя крови и полей сражений. Иначе, увидь он настоящую смерть, во что бы он превратился от ужаса?

«Таких, как он, нужно всю жизнь беречь в тепличных условиях цветущего мира», — мелькнуло в голове генерала.

24-е число второго месяца. День рождения императора.

С самого утра за окном зарядил мелкий дождь. Он шелестел весь день, и к сумеркам, когда пришло время собираться во дворец, так и не утих.

В покоях зажгли лампы. Слуги облачали Цзян Суйчжоу в торжественное, многослойное одеяние — парадное гунфу. Обернувшись, он увидел Хо Уцзю, которого Мэн Цяньшань вывозил из задней комнаты. Цзян Суйчжоу заранее распорядился, чтобы одежда генерала не была вызывающей. Однако даже в простом темно-синем шелковом халате и скромном венце этот человек выглядел величественно. Его природная мощь и благородство проступали сквозь любую ткань. При ярком свете свечей казалось, будто он сам источает некое сияние.

Взгляд Цзян Суйчжоу на мгновение замер, и ему потребовалось усилие, чтобы отвернуться. Он делано откашлялся.

— Во дворце будь начеку, — бросил он Мэн Цяньшаню, подразумевая заботу о Хо Уцзю.

Они вышли из поместья и сели в экипаж. Вагон был тесным, а кресло Хо Уцзю — громоздким, так что они оказались вплотную друг к другу. Стоило занавескам опуститься, как снаружи стихли все звуки. Осталось лишь их дыхание — в замкнутом пространстве оно казалось общим, переплетенным и пугающе отчетливым.

Цзян Суйчжоу охватило необъяснимое стеснение. Он не знал, куда деть руки, и хотел было заговорить, чтобы нарушить тишину, но слова не шли на ум. Размеренное дыхание Хо Уцзю странным образом замедляло его собственный пульс.

«Надо подумать о чем-то важном, — убеждал себя принц. — Например, что может сказать император и как мне отвечать...»

В этот момент карета резко тронулась. Цзян Суйчжоу, погруженный в свои мысли, не удержал равновесия и повалился в сторону. И рухнул прямо на плечо Хо Уцзю.